

стантина, самостоятельную же историческую ценность восстанавливаемого «старославянского Privilegium» не удастся доказать ни в одном случае.

Что касается отклонений от житий, общих Кристиану и ПВЛ, то все они носят характер явной, неоспоримой деформации (крещение болгар Константином или просто до его прихода в Моравию; отрицание участия Мефодия в путешествии Константина в Рим; составление письма в Моравии; возведение Мефодия в сан архиепископа не папой, а князем). Историческая критика во всех этих случаях полагается только на свидетельства Жития Константина и Жития Мефодия. Другие отличия относятся в той или иной мере к области стилистики, за одним лишь исключением: весьма знаменательно дополнение, что славянская культура распространена в Болгарии (Кристиан) или в Болгарии и на Руси (ПВЛ). Уже одно это утверждение, даже в той более скромной и несомненно оригинальной форме, в какой мы находим его у Кристиана, делает невозможным отнесение «старославянского Privilegium» к периоду около 900 г.

Далее Р. О. Якобсон стремится приписать «старославянскому Privilegium» некоторые сообщения, которые содержит лишь один из памятников — ПВЛ или Кристиан. Шаткость этой реконструкции якобы древнего «старославянского Privilegium» 900 г. особенно очевидна в вопросе о месте, где Константин выступил с защитой богослужения на славянском языке. По данным Жития Константина, это происходило в Венеции, по Кристиану — в Риме. Это известие звучит у Кристиана следующим образом: «После того, как Кирилл прибыл в Рим по церковным делам (ради молитвы), верховный первосвященник либо остальные ученые или князья церкви испытывали его, не вопреки ли каноническим правилам осмелился он установить отправление литургии на славянском языке».⁴²

Этот отрывок Р. О. Якобсон считает «гораздо более содержательным, чем осторожное и дипломатическое» Житие Константина. Однако это всегoнавшего «оптический обман». Если стремиться доказать, что Константин встречал противников не только в Венеции, но и в Риме, то можно и должно сослаться на свидетельство самого Жития Константина, что и делает Р. О. Якобсон; следовательно, никаких новых фактов почерпнуть из Кристиана не удастся. Р. О. Якобсон убедительно доказывает, что речь Константина в Риме (Кристиан) по содержанию совпадает с его речью в Венеции (Житие Константина), «отражает венецианский диспут из ЖК (Жития Константина) XVI. В чешско-латинской легенде Константин-Кирилл также начинает ссылкой на Псалтирь, в частности на псалом 150, 6, затем переходит к 14 главе первого послания Коринфянам; он специально подчеркивает роль родного языка для просвещения „ydiotas et ignaros viarum Dei“ («неразумиви» из главы 14, 23—24; цитируется в ЖК, XVI) и заканчивает стихом 14, 39».⁴³ Кристиан прямо или косвенно использовал Житие Константина, несколько упростив рассказ: вместо Венеции и Рима он называет только Рим.

То, что в Житии Константина смягчены разногласия между славянской миссией и Римом, а Кристиан не пожалел красок для изображения этих разногласий, не меняет того факта, что Житие Константина — это первоисточник, исторически исключительно ценный, а Кристиан — поздний памятник, составленный на его основе, пусть цветистый и эффектный, но исторической ценности не представляющий. Для изучения IX в. Кри-

⁴² Quirillus Romam causa oracionis adesset, a summo pontifice vel a reliquis sapientibus et rectoribus ecclesie redarguitur, ut quid contra statuta canonum ausus fuerit missarum sollempnia instituere canere sclavonica lingua.

⁴³ R. J a k o b s o n. Minor native sources... стр. 56.